

Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала)

Кушхов Борис, Тютин Андрей
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье предпринята попытка обобщить основные особенности балансирующего поведения малых государств. Объектом исследования выступает внешняя политика Монголии и Непала – двух схожих по многим параметрам буферных малых государств, для которых успешная реализация стратегии балансирования является гарантией сохранения политического и экономического суверенитета. При внимательном рассмотрении в политике указанных стран обнаруживаются отклонения от линии поведения, которую в условиях балансирования можно было бы считать рациональной с реалистской точки зрения. Несмотря на устойчивость основополагающих принципов внешней политики, действия указанных государств зачастую несут на себе отпечаток аффективного и традиционного типов поведения, а также внутривнутриполитической конъюнктуры, что приводит к выводу о необходимости включения внутринациональных (цивилизационных,

институциональных и пр.) переменных в процесс анализа и прогнозирования политики балансирования. Широкие возможности для синтеза теоретического и страноведческого знания даёт инструментарий, предлагаемый неоклассическими реалистами, которые, не отрицая значения внешних стимулов, делают упор на вмешательстве внутренних факторов (стратегическая культура, личные качества лидеров, политическая система, характер институтов и т.д.) в процесс принятия решений. На примере Монголии и Непала показывается, как понимание страновой и региональной специфики может существенно снизить вероятность ошибок в прогнозировании поведения стран. Кроме того, проясняется место «третьей силы / третьего соседа» в стратегии балансирования, оцениваются перспективы использования транзитного потенциала с точки зрения данной стратегии, демонстрируется возможность успешного балансирования в условиях неравновесности потенциалов конкурирующих центров силы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

балансирование; теория международных отношений; Непал; Монголия; малые государства.

Для связи с авторами: andrey-tyutin@rambler.ru

Balancing Behaviour of Non-Western Small States: Beyond Neorealism (Case-Study of Mongolia and Nepal)

Boris Kushkhov, Andrei Tiutin
MGIMO

ABSTRACT

This article attempts to summarise the main features of the balancing behaviour of small states. It focuses on the foreign policy of Mongolia and Nepal, two buffer small states, which are similar in many respects and for which the successful implementation of the balancing strategy is a guarantee of political and economic sovereignty. A close look at the policies of these two countries reveals deviations from what would be considered rational in the context of balancing from a realist point of view. Despite the durability of the underlying principles of their foreign policy, the actions of these countries often bear the imprint of affective and traditional types of behavior, as well as of the internal political situation, which leads to the conclusion that it is necessary to include domestic (civilizational, institutional, etc.) variables in the analysis and prognosis of balancing policy. The tools

offered by neoclassical realists, who, while not denying the importance of external stimuli, emphasise the interference of internal factors (strategic culture, personal qualities of leaders, political system, nature of institutions etc.) in the decision-making process, provide ample opportunities for the synthesis of theoretical and country-specific knowledge. The evidence from Mongolia and Nepal shows how understanding the realities of a country or region can significantly reduce the likelihood of errors in predicting the behavior of countries. In addition, the article clarifies the role of the “third force/third neighbor” in the balancing strategy, assesses the prospects for the use of transit potential for the purpose of this strategy, and demonstrates the possibility of successful balancing under the condition of asymmetry between competing centres of power.

KEYWORDS

balancing; international relations theory; Nepal; Mongolia; small states.

Contact the authors via andrey-tyutin@rambler.ru

ВВЕДЕНИЕ

Крушение биполярной системы международных отношений имело неоднозначные последствия для обширной группы малых государств. С одной стороны, были устранены препятствия для проведения ими действительно многовекторной внешней политики, что повысило их субъектность в мировой политике. С другой стороны, конкуренция между крупными центрами силы за влияние в малых странах не только не ослабла, но и приняла ещё более сложный характер. Фактически сегодня малые страны находятся перед той же внешнеполитической дилеммой, что и четыре десятилетия назад: согласиться с политическим и экономическим доминированием одной из претендующих на то держав или проводить неизбежно трудоёмкую политику по уравниванию претензий этой державы путём налаживания сотрудничества с другими центрами силы.

Особенность выбора стратегии в постбиполярный период заключается в том, что заключение жёстких военно-политических союзов стало весьма редким явлением. В сравнении с прошлыми веками сократилась и частота межгосударственных вооружённых конфликтов^[1]. В этих условиях можно говорить об изменении содержания понятий, в реалистской традиции описывающих альтернативы поведения государств, – балансирования и примыкания. Процесс секьюритизации новых сфер общественной жизни приводит к тому, что при выборе поведения соображения экономической, энергетической, финансовой, информационной безопасности играют не меньшую роль, чем оценки военно-

стратегической обстановки, а балансирование выражается не столько в выравнивании военных потенциалов за счёт формальных альянсов, сколько в диверсификации политических, торговых, инвестиционных, гуманитарных и других связей. В силу нового, более широкого наполнения стратегии балансирования у малых стран возникла «возможность балансирования не одного, а сразу двух конкурирующих центров силы»^[2].

Включение в стратегию государства невоенных соображений неизбежно имеет следствием более активное вмешательство внутренних, субнациональных факторов во внешнеполитический процесс. В этой связи вновь актуальной становится выдвинутая ещё в 1991 г. американским исследователем Стивенем Р. Дэвидом концепция «всестороннего балансирования» (omnibalancing)^[3], согласно которой равновесие достигается в отношении не только внешних сил (окружающих держав), но и внутренних – различных организованных и неорганизованных групп интересов. Уместно выдвинуть гипотезу, что неореалистская призма, предполагающая рассмотрение факторов международной структуры, не позволяет увидеть мотивы, которые заставляют малые государства отклоняться от на первый взгляд рационального (с реалистской точки зрения) типа поведения.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить особенности балансирующего поведения малых (или, иными словами, «неспособных влиять на систему»^[4]) государств в эпоху, когда на смену угрозе подвергнуться военному уничтожению или поглощению на первое место вышли опасения утратить экономический суверенитет, с упором

[1] Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research: site. – URL: <https://ucdp.uu.se/encyclopedia>

[2] Скриба А.С. Политика балансирования на постсоветском пространстве: на примере Белоруссии и Украины : специальность 23.00.04 : дис. канд. полит. наук / Скриба Алексей Сергеевич ; науч. рук. А.И.Суздальцев ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2015. – С. 42.

[3] David S. Explaining Third World Alignment / Steven R. David // World Politics. – 1991. – №43(2). – P. 233-256.

[4] Термин Р.Кохэйна. См. Keohane Robert O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / Robert O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2).

на внутренние (цивилизационные, институциональные, конъюнктурные) предпосылки принятия того или иного решения. В качестве источников эмпирического материала для сравнительного кейс-стади использованы Монголия и Непал. Такой выбор обусловлен, во-первых, тем, что их «буферное» положение обеспечивает максимально «лабораторные» условия наблюдения за практикой балансирования в силу незначительного числа посторонних факторов. Ситуация, при которой страна физически располагается между двумя непосредственно примыкающими и конкурирующими центрами силы, а уравнивание влияния «гигантов» составляет суть её внешнеполитической деятельности, представляется наиболее благоприятной для исследования «абстрактного типа» балансирующих малых стран, что необходимо для теоретизации общих закономерностей данного процесса. Дальнейший анализ, с исследованием небуферных государств и внесением частных корректив в формируемые «исходные модели балансирования», представляется актуальным лишь после изучения наиболее конкретных и ярких примеров балансирующих стран, которыми и являются Монголия и Непал. Во-вторых, значительная схожесть внешних (географических, мирополитических) условий делает Монголию и Непал в высшей степени применимыми для сравнительного анализа: подобная выборка снижает круг факторов, которые могут быть выявлены в случае различия реакции двух стран на подобные импульсы. В-третьих, выбор пал в сторону этих двух государств из-за необходимости отразить уникальную специфику азиатского региона в целом: единственного места в современном мире, где великие державы непосредственно соприкасаются друг с другом своими государственными границами. Влияние

подобного условия на модели балансирования малых стран Азии, особенно находящихся в районе подобных «соприкосновений», представляется весьма существенным.

Теоретическую основу исследования составили наработки неоклассических реалистов, прежде всего в лице Гидеона Роуза^[5] и Рэндалла Швеллера^[6]. Данное направление располагает методологическим инструментарием для изучения «вмешивающихся», или промежуточных, переменных (*intervening variables*), – иными словами, страновой специфики, которая обуславливает иную реакцию государства на внешние стимулы, чем та, что можно было бы ожидать, рассуждая в терминах неореализма.

ПОЛИТИКА БАЛАНСИРОВАНИЯ: ПРАКТИКА МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ ВОСТОКА

Анализ выбранного странового материала строился по следующему плану. Прежде всего, были кратко охарактеризованы исторические предпосылки современного внешнеполитического положения Монголии и Непала. Затем выделены основные принципы осуществляемой ими стратегии (двойного) балансирования, а также её особенности, не укладывающиеся в неореалистскую логику. Особо выделены различия между монгольской и непальской практиками балансирования.

Монголия с XVI-XVII веков была де-факто изолирована от внешнего мира двумя соседними державами. Во время военных столкновений с одним из соседей, монголы не могли сбалансировать агрессию оппонента влиянием другого соседа: Русское царство не оказывало военной помощи Джунгарии, так как конструктивные отношения с Цинским Китаем несли государству неимоверно большие выгоды. Эта проблема

[5] Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. –1998. – Vol. 51, No. 1. – P. 144-172.

[6] Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / Randall Schweller // International Security. –1994. – Vol. 19:1. – P. 72-107.

проявлялась у монголов и в 1920-е годы, когда Советский Союз пренебрегал интересами МНР в угоду своим отношениям с пекинским правительством Китая и Гоминьданом^[7], и в 1940-1950-е годы, когда уже Китай не желал участвовать в монгольском «поддержании баланса» по причине жизненной важности его отношений с СССР^[8].

Возможности обеспечения гармонии в отношениях с двумя соседними державами появилась у Монголии в 1990-е годы, когда в стране произошла «демократическая революция». Советский Союз, доселе определявший политический курс МНР, прекратил своё существование, а Китай пока ещё не обладал значительными экономическими ресурсами и проводил пассивно-благожелательную внешнюю политику^[9]. Не случайно именно на заре постбиполярного мира в Монголии была выработана собственная доктрина балансирования между двумя соседствующими державами, которая получила название «политика многоопорности».

Краеугольными камнями этой политики стали следующие принципы:

1. *Сохранение симметрии в своих отношениях с Россией и КНР и принципов «добрососедства» и «стратегического партнёрства»*^[10]. Предполагалось выстраивание отношений и с КНР, и с РФ по одному «образу и подобию». Реализация этого принципа прослеживается в основополагающих договорах об отношениях с Китаем и Россией (1993 и 1994 годов соответственно), где прописаны почти идентичные пункты. В целом, и практика официальных ви-

зитов в обе соседствующие державы отличается исключительной сбалансированностью: частота данных поездок и в Китай, и в Россию практически совпадает.

2. *Концепция третьего соседа*. В самой первой концепции внешней политики Монголии^[11] упоминается «развесовка» приоритетов «30% – Россия, 30% – Китай, 40% – третий сосед (развитые страны Запада, Япония, Южная Корея)». Такая развесовка предполагала сдерживание влияния России и Китая на страну, и была призвана компенсировать её географическую замкнутость. Базой отношений с третьим соседом должны были стать торговля и инвестиции, однако большое внимание уделялось и культурно-идеологическому диалогу – Монголия стремилась быть частью мирового сообщества, в котором на то время доминировали Соединённые Штаты и западные ценности. Апогеем такой политики стало участие монгольского контингента в антииракской коалиции в 2003 году, осуждённой обоими соседями страны.

3. *Активное участие в международных организациях*. Эксперты предполагали, что роль международных организаций будет стремительно расти на рубеже XX-XXI веков. Монголия заявила о себе как об активном члене ООН, инициативно участвуя в работе Генеральной Ассамблеи и регулярно отправляя своих военнослужащих на миротворческие операции под эгидой организации. Также страна наладила устойчивый диалог с НАТО, ОБСЕ, а позже – и с ЕС. Таким образом, можно наблюдать стремление «географически зажатой»

[7] Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С.К. Рошин. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – С.142.

[8] Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2015. – С. 239.

[9] Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян / И.В. Ставров // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №2 (79). – С. 40–49.

[10] Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С.11.

[11] Там же, с. 10.

Монголии наладить диалог с глобальными и внерегиональными организациями.

4. *Демократическая политическая система* как защита от «сателлитизма» монгольских политических кругов тем или иным державам. Формирование демократической модели во внутренней политике, многопартийность, а также широкие полномочия парламента (Великого Хурала)^[12] сыграли важную роль в достижении баланса между Россией и Китаем. Очевидно, что подобная представительская система выражает интересы широких слоёв населения и меньше подвержена влиянию держав и ориентированных на них политиков, преследующих свои личные интересы.

5. *Безъядерный и нейтральный статус страны.* Немаловажным инструментом обеспечения баланса является безъядерный и нейтральный статус Монголии. Положение о размещении на территории государства обычного и ядерного оружия какой-либо страны зафиксировано в Конституции Монголии 1992 года^[13]. Международное сообщество в лице ГА ООН широко поддержало эту идею монгольского руководства. Благодаря данному решению, Россия и Китай чувствуют безопасность, исходящую как друг от друга, понимая, что соседняя держава не сможет улучшить свои военные и стратегические позиции в регионе за счёт Монголии, так и от третьих, внерегиональных стран (хотя, в силу географической изоляции Монголии, такая угроза и ранее была неактуальна).

Таким образом, «стратегия многоопорности» представляет собой доктринальный ответ Монголии на необходимость обеспечения баланса между двумя соседними державами и включает в себя (прямо или косвенно) такие пункты, как симметрия в отношениях с

Китаем и Россией, принцип добрососедства в отношении с ними, приоритет развития связей со странами Запада, инициативное участие в работе международных организаций, нейтральный и безъядерный статус страны, а также демократическую политическую систему, защищенную от всевозможных «лобби». По большей части, эта концепция учитывает теоретические наработки неоклассической школы ТМО.

Таковой в начале-середине 1990-х годов представлялась внешняя политика Монголии в новую, постбиполярную эпоху. До сих пор ни в общественно-политических, ни в научных кругах страны не было предпринято попытки переосмысления данных принципов: можно с уверенностью говорить об их исключительной значимости и для современной Монголии. Тем не менее при рассмотрении отдельных событий и мероприятий во внешней политике Монголии в период с середины 90-х годов до нашего времени, становится понятным и то, что эти принципы довольно часто нарушаются и государство действует вразрез как с теоретическими построениями классиков ТМО, так и со своим собственным восприятием их концепций в виде «стратегии многоопорности»:

1. *Случаи дискриминации китайских подрядчиков на государственных тендерах в пользу таковых из других стран.* При очевидно более выгодных условиях, которые предлагает китайская сторона, правительство часто заключает контракты с фирмами из других стран. Примером этого являются «зелёные коридоры» для западных инвесторов, ограничивающие распространение китайского инвестиционного влияния. От подобных «регулирующих» мероприятий пострадали Китайская Алюминиевая Компания,

[12] Тувшинтогс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр) / А.Тувшинтогс. – Улан-Батор: Национальная академия разведки Монголии, 2012. – С.54.

[13] Балдоо Б. Монгол улс, Зуун хойт Ази: улс тор-аюулгүй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе / Б. Балдоо. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2018. – С.13.

и China *Shenhua Energy*, и *PetroChina*^[14]. Эта «девиация» является яркой иллюстрацией конфликта между принципами «приоритета третьего соседа» и «добрососедских отношений». Укрепляя позиции внерегиональных стран в своей экономике, Монголия часто лишается многих экономических выгод и вредит своим отношениям с Китаем, теряя многое в экономической сфере и не приобретая ничего значительного в политической.

2. *Конфликт вокруг будущего Улан-Баторской Железной Дороги (УБЖД)*. Симметрия в отношениях с соседями упирается в выбор колеи одного из них. Проблема УБЖД беспокоит Россию, Китай и Монголию уже многие годы. Построенная в 1950-е годы Трансмонгольская железнодорожная магистраль значительно устарела и едва отвечает требованиям современных перевозок^[15]. Но её модернизация упирается в два весьма неудобных вопроса. Первый – какая колея будет выбрана для новых путей – российская или китайская^[16]. Второй – как будут распределены акции обновленной железной дороги. Россия настаивает на статус-кво и сохранении за собой контрольного пакета акций в 50%, Монголия же, относя УБЖД к числу своих стратегически важных предприятий, считает нужным получить 51%. Таким образом, любой исход данной ситуации приведёт к определённому нарушению принципа «симметричности отношений с соседями».

3. *Уклонение Монголии от участия в ШОС и ЕАЭС*. Несмотря на неоднократные предложения, поступавшие от соседей, равно как и на общее

стремление страны активнее участвовать в работе международных организаций, монгольское руководство уклоняется от вступления в ШОС и ЕАЭС. Это нежелание объясняется опасением попасть под ещё большее влияние своих соседей. Тем не менее подобные организации, наоборот, могли бы расширить вовлеченность Монголии в региональные политические процессы.

4. *Визит Далай-Ламы как патриотическое решение в ущерб балансу*. Богатая историческая память монголов, особое национальное самосознание и сильная религиозная традиция зачастую перевешивают любые теоретические построения и ожидания. Так, в 2017 году в Монголию состоялся визит Далай-Ламы XIV^[17], которого китайские власти рассматривают как «правителя Тибета в изгнании» или же «лидера тибетских сепаратистов». Естественно, подобный шаг монгольского руководства возмутил китайских политиков и значительно обострил отношения двух стран более чем на год. Это решение иллюстрирует перевес культурно-религиозных и исторических традиций над современной внешнеполитической конъюнктурой и необходимостью обеспечения баланса.

5. *Продажа Горно-обогатительного Комбината «Эрдэнэт» и другие коррупционные сделки*. Одной из принципиальных проблем монгольской политической системы являются коррупция и землячество. Именно эти проблемы заявляют о себе при заключении различных сделок по ключевым объектам монгольской экономики. Так, продажа российской доли ГОК «Эрдэнэт» и «МонголРосЦветМет» в 2016

[14] Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7. – С. 82–89.

[15] Баясах Ж. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бурэн стратегийн туншлэлийн зугт. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) / Ж. Баясах. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2015. – С. 102.

[16] Бэгзжав Л. Современные монголо-китайские отношения на этапе стратегического партнёрства. Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Материалы III Международного научного форума / Л. Бэгзжав. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – С. 51.

[17] Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии / В.В. Грайворонский // Восточная аналитика. – 2018. – №3. – С. 51–64.

году госкорпорацией «Ростех» Монголии^[18] обернулась крупнейшим коррупционным скандалом за всю современную историю страны. Вместо продажи приобретенной доли иностранным инвесторам в логике «политики третьего соседа», монгольские чиновники из Демократической Партии продали большую долю акций своим собственным офшорам, выдавая их за внешних покупателей^[19].

6. *Асимметричность в торгово-экономических отношениях Монголии с РФ и КНР.* Китай, несмотря на стремление монголов обеспечивать «баланс», тотально доминирует во внешней торговле страны: так, более 90% монгольского экспорта направляется в Китай^[20]. Россия же занимает только 13% в торговом обороте Монголии и лишь несколько процентов её экспорта^[21].

Подобно Монголии, **Непал** исторически в силу географического фактора имел весьма ограниченный простор для внешнеполитического маневрирования. О начале процесса формирования Непальского государства в том виде, в котором оно известно сегодня, можно говорить начиная с середины XVIII в., когда Горкха – одно из многочисленных существовавших тогда княжеств южного склона Центральных Гималаев – под руководством Притхви Нараяна Шаха (годы правления 1743-1775) приступило к военной экспансии, приведшей к «объединению различных этносоциальных структур»^[22]. По мере преодоления раздробленности к непальской правящей элите приходило осознание непростого геополитического положения

Непала, что нашло отражение в «Божественном поучении» Прихви Нараяна Шаха: «Эта страна [Непал – прим. авт.] подобна ямсу, зажатому между двух валунов. Поддерживайте дружбу с императором Китая. Дружите и с императором южного моря [речь идёт об Ост-Индской компании, уже закрепившейся к тому времени на южноазиатском субконтиненте – прим. авт.]]»^[23]. Выразительным примером балансирования стала политика мухтияра (де-факто правителя страны) Бхимсены Тхапы (1806 – 1837), при котором «непальцы демонстрировали свою зависимость от Компании перед Китаем и зависимость от Китая перед англичанами»^[24] и пытались (безуспешно) заключить антианглийский союз как с независимыми индийскими княжествами, так и с Бирмой, Ираном и Афганистаном. После установления в 1846 г. режима «ранакратии» (более ста лет страной фактически руководило семейство Рана) Непал попадал во всё большую зависимость от Британии. Вплоть до середины XX века Непал не имел возможности проводить самостоятельную внешнюю политику.

Принципиальное отличие Непала от Монголии состоит в том, что крушение биполярной системы не имело сколько-нибудь серьёзных последствий для страны и не стало вехой в истории её внешней политики. Основные параметры внешней политики Непала определились к середине 1950-х гг., и коренных изменений с тех пор не произошло. На протяжении почти семидесяти лет реальность международного положения Непала состоит в следующем: (1) экономическое доминирование

[18] «Ростех» продал 49% акций «Эрдэнэта» Монгольской медной корпорации. – Ростех: официальный сайт. – 30.06.2016. – URL: <https://rostec.ru/news/4518501/>

[19] Загадочная продажа монгольского рудника Эрдэнэт. – The Diplomat: site. – 09.07.2016. – URL: <https://thediplomat.com/2016/07/the-mysterious-sale-of-mongolias-erdenet-mine/>

[20] Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7.

[21] Ibid. – С. 35.

[22] Термин И.Б. Редько.

[23] Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Diba Upadesh. / L.F. Stiller. – Kathmandu, 1968. – P. 38-46.

[24] Ледков А.А. История Непала. XX век. / А.А. Ледков, С.И. Лунёв. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 55.

Индии, что в свою очередь даёт ей рычаги для политического давления; (2) соседство с Китаем, соперничающем с Индией на глобальном и региональном уровнях; (3) вмешательство соседних стран во внутривнутриполитический процесс Непала; (4) слабый интерес внерегиональных субъектов международных отношений к взаимодействию с Непалом, за исключением вопросов, связанных с оказанием гуманитарной помощи и помощи развитию.

Внешнеполитический процесс в Непале характеризуется множеством проблем^[25] и, прежде всего, отсутствием стратегического видения. В 2020 г. была подготовлена и опубликована первая в истории страны Концепция внешней политики, впрочем, по преимуществу констатирующая уже давно известные направления сотрудничества, проблемы и тенденции. Тем не менее практика как минимум последних трёх десятилетий позволяет выделить некоторые основополагающие черты балансирующего поведения.

1. *Стремление поддерживать дружественные отношения с обеими соседними странами, избегая обострения спорных вопросов.* «Концепция внешней политики 2020» предписывает «расширять и укреплять двусторонние отношения со всеми дружественными странами, включая страны-соседи, на основе суверенного равенства, взаимного уважения и взаимной выгоды», этот же пункт указан как цель №1 внешней политики^[26]. В период существования панчаятской

системы (альтернативная парламентской четырёхуровневая политическая система, существовавшая в Непале с 1962 по 1990 гг. и выражавшаяся на практике в сосредоточении большинства полномочий в руках короля) курс Непала определялся как «равноудалённость», а уже после 1990 г. получил распространение термин «равноприближённость»^[27]. На практике это выражается, например, в закрепившейся дипломатической традиции, в соответствии с которой лидер Непала свои первые два визита наносит в Дели и Пекин^[28].

2. *Использование противоречий между соседними странами в целях самосохранения.* Отмечается, что в период панчаятской системы «правлящие круги Непала рассматривали отношения с Китаем в качестве гарантии от поглощения страны южным соседом»^[29]. В настоящее время сценарий «поглощения» представляется маловероятным, однако противодействие вмешательству во внутренние дела с помощью угроз совершить разворот в сторону другого соседа по-прежнему можно считать чувствительным инструментом в руках Непала. Его применение не всегда приводило к желаемым результатам: в 1989 – 1990 гг. КНР не оказало какой-либо заметной дипломатической поддержки находившемуся под беспрецедентным экономическим давлением со стороны Индии Непалом. С другой стороны, реакцией на топливный кризис конца 2015 – начала 2016 гг.^[30] стало заключение Непалом и Китаем Соглашения о транзите и транспортном

[25] Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29>

[26] Nepalko parrashtra niti 2077 (Внешняя политика Непала 2020). – Ministry of Foreign Affairs: official site. – Nepal. – 2020. – URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/परराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf>

[27] Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 18. – P. 25-45.

[28] Премьер-министр Непала Пушпа Камал Дахал «Прачанда» (2008 – 2009; 2016 – 2017) нарушил традиционный порядок, посетив сначала КНР. См. Niskiye 'Prachanda' Bharat bhramanma, aakhir ke ke chhan ejenda? / Kusenews. – 7 сентября 2017. – URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्कि-प्रचण्ड-भारत-भ्रम/>

[29] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.

[30] Там же.

сообщении, призванного сократить зависимость гималайского государства от индийских портов. Таким образом запускается механизм раскручивания конкуренции между соседями Непала, который извлекает из обостряющегося внимания крупных держав экономическую выгоду. Успешность использования данного инструмента определяется в первую очередь состоянием отношений между Индией и Китаем: их осложнение (но не переходящее во враждебность) повышает вероятность успешного «выторговывания» преимуществ малым государством.

3. *Курс на нейтралитет.* Непал в военно-политическом отношении не примыкает ни к более, ни к менее сильному соседу даже в условиях кардинального изменения расстановки сил (например, после индийско-китайской войны 1962 г.). Оригинальное концептуальное оформление стремление к нейтралитету получило в предложении (1975 г.) короля Бирендры объявить Непал «зоной мира»^[31]. Предложение нашло понимание у более чем ста государств, и, хотя с упразднением панчатской системы от идеи международного признания такого статуса отказались, представление о необходимости сохранения негативного и позитивного нейтралитета остаётся.

Как и в случае с Монголией, основополагающие — как писанные, так и неписанные — постулаты политики балансирования Непала своеобразно преломляются на практике. По большей части подобные «отклонения» проистекают из цивилизационных, институциональных, социальных характеристик внешнеполитического процесса в Непале (внутренних факторов) и лишь некоторые — из особенностей структуры региональной

подсистемы, развития сопредельных центров силы, поведения великих и региональных держав (внешних факторов). В частности, заслуживают внимания следующие особенности:

- Несмотря на видимые сходства в геополитическом положении с Монголией, в Непале на концептуальном уровне не выкристаллизовались понятия «третьего соседа», «третьей силы», «многоопорности» и пр. Это обстоятельство вполне объяснимо. Помимо того, что поиск третьей опоры не упоминается в завещании Притхви Нараяна Шаха, которое до сих пор пользуется почти непререкаемым авторитетом, Непал на протяжении долгого времени не представлял особенного интереса для стран за пределами ближайшего соседства. Во-первых, по сравнению с Монголией страна обладает намного более скудным ресурсным потенциалом. Во-вторых, хотя с 1991 г. страна имеет демократическую форму правления, неизменно взрывоопасная внутриполитическая обстановка, усугубляемая «всепроникающей»^[32] коррупцией, подрывает доверие к Непалу как контрагенту. В-третьих, многие страны остерегаются открыто обозначать своё экономическое и политическое присутствие в Непале из опасений вызвать недовольство Индии и — в последнее время всё заметнее — Китая. В этих условиях, накладывавшихся на ограниченный внешнеполитический кругозор непальского руководства, международные контакты лидеров Непала были редки; активный дипломатический обмен шёл только с Индией и Китаем. Вместе с тем всё вышесказанное не означает, что присутствие «третьих сил» в Непале было незаметным: традиционно одними из крупнейших доноров для Непала являются США и Великобритания, с 1980-х гг. в их число вошла и Япония^[33]. Знаковым событием стала ратификация непальским парламентом в марте

[31] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. — М.: Юрайт, 2019. — 304 с.

[32] UK should cut aid to Nepal if «endemic» corruption persists: report. — Reuters: site. — 27.03.2015. — URL : <https://www.reuters.com/article/us-britain-nepal-aid-corruption-idUSKBNOMN00F20150327>

[33] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. — М.: Юрайт, 2019. — 304 с.

2022 г. соглашения, заключённого ещё в 2017 г. с американской государственной корпорацией *Millennium Challenge*. Вызвавшее массовые протесты левых сил (и Китая) соглашение предусматривает предоставление Непалу гранта размером в 500 млн долл. для развития инфраструктуры^[34]. Начиная со второй половины 2010-х гг., растёт дипломатическая активность страны^[35]. Развитие всесторонних экономических связей со странами из-за пределов непосредственного соседства – своевременное дополнение к политике балансирования в условиях преобладания Индии и Китая в экономических связях Непала.

- *Очевидный вред политике двойного балансирования наносят периодические проявления провокационного поведения в отношении Индии.* Индийско-непальские отношения по-прежнему определяются наличием т.н. комплексов «старшего» и «младшего брата» соответственно. Антииндийские настроения глубоко укоренены в отдельных сегментах непальского общества, включая средний класс и национальный капитал, которые считают себя терпящими убытки от либерализации торговли с Индией. Распространённым лозунгом со времён «блокады» 2015 г. стал хештег «Индия, прочь!» (#BackoffIndia). Время от времени эти настроения выходят на уровень государственной политики или по меньшей мере находят понимание у субъектов принятия политических решений. В ноябре 2019 г. непальский парламент пошёл на обострение

продолжительное время не поднимавшегося пограничного спора с Индией^[36]. Антииндийские выпады нельзя назвать издержкой современной демократической формы правления: в период «управляемой» панчаятской системы провокационные действия непальских властей были намного более частыми.

- *Балансирование между Индией и Китаем не подразумевает полного равенства в политическом и экономическом взаимодействии Непала с каждым из соседей.* Так, доля Индии во внешнеторговом обороте Непала достигает от 57% (экспорт) до 65% (импорт)^[37], в объёме накопленных инвестиций – более 30% (против 16% у Китая)^[38]. Высока и интенсивность трансграничного движения рабочей силы между Индией и Непалом. В то же время с 2014 г. КНР стала опережать Индию по объёмам предоставляемой Непалу помощи развитию, причём в 2018/19 ф.г. разрыв стал почти двукратным^[39]. Суть состояния баланса заключается в том, что как Индия, так и Китай опасаются резкого изменения соотношения потенциала в пользу противоположной стороны. Сохранение статус-кво или его подрыв будет в значительной мере зависеть от реализации инфраструктурных проектов той и другой стороной. В то время как Непал мог бы укрепить свою балансирующую позицию, став страной-транзитёром, этому препятствует (как и в случае с модернизацией УБЖД) различная ширина колеи в Индии и Китае.

[34] Biswas Baral. Nepal's Fierce MCC Debate. – The Diplomat: site. – 08.02.2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/02/nepals-fierce-mcc-debate/>

[35] Bhattarai Kamal Dev. Nepal Finally Looks Beyond India and China. – The Diplomat: site. – 21.12.2018. – URL: <https://thediplomat.com/2018/12/nepal-finally-looks-beyond-india-and-china/>

[36] Karki Brabim. Amid Dispute With India, Nepal Publishes New Political Map: What Now? – The Diplomat: site. – 22.05.2020. – URL: <https://thediplomat.com/2020/05/amid-dispute-with-india-nepal-publishes-new-political-map-what-now/>

[37] Nepal Trade Summary 2017 Data. – World Integrated Trade Solution: site. – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/NPL/Year/LTST/Summary>

[38] A Survey Report on Foreign Direct Investment in Nepal (2019/20). – Nepal Rastra Bank: site. – URL: https://www.nrb.org.np/contents/uploads/2021/09/FDI-2019-20_September-2021.pdf#:~:text=The%20survey%20shows%20stock%20of,percent%20and%2011.8%20percent%20respectively.

[39] Wagle Achyut. Nepal's Economic Development: Regional Geopolitical Considerations / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge // Gaida's Dance with Tiger and Dragon. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

По итогам исследования можно утверждать о необходимости обогащения реалистского понимания балансирования через учёт страновой и региональной специфики. Корректным представляется тезис реалистов-неоклассиков о значительной роли внутренних политических и социальных факторов в процессе принятия внешнеполитических решений, в особенности в малых государствах. Первенство внешних факторов во внешней политике малых государств было подвергнуто критике ещё в 1990-х гг.^[40], и исследованный страновой материал подтвердил обоснованность этой критики. В частности, такие характерные для стран Востока внутриполитические факторы, как наличие интересов отдельных социальных групп, элитизм, коррупция, землячество, кумовство, заставляют малые государства действовать нерационально и отклоняться от «общепринятой» логики балансирования. Таким образом, прогнозирование политики балансирующих государств должно учитывать широкое распространение аффективного и традиционного типов поведения в незападных странах. Поведение даже буферных государств не допускает абсолютизации логики балансирования.

Опыт Монголии и Непала наглядно показывает, что *поиск третьей силы для малого государства может являться не основой всего балансирования, а лишь вспомогательным инструментом поддержания (двойного) равновесия*. Даже такая страна как Монголия, зажата между РФ и КНР, может уравнивать третьими странами усиление одной из держав, при этом поддерживая исключительно дружественные отношения с каждой из них. У «небуферных» малых

государств имеются ещё более благоприятные условия для реализации подобной практики. Помимо этого, вовлечение третьих сил в азиатских политических реалиях может являться дополнительным препятствием для силового изменения статус-кво соперничающими центрами силы. Опыт Монголии и Непала также иллюстрирует ограниченность использования транзитного потенциала в качестве элемента политики балансирования, исключая его восприятие в качестве «универсального средства». В не-Западной части мира уровень технической стандартизации слаб, что препятствует согласованию транзитных проектов любыми державами, заинтересованными в их реализации.

Обращает на себя внимание тот факт, что *балансирование малого государства возможно даже в условиях сильного диспаритета в уровне его зависимости от разных центров силы*. Так, и Монголия, и Непал обеспечивают балансирование даже несмотря на абсолютное неравенство позиций двух соседних держав в их экономике: в частности, экономическое доминирование Китая в Монголии и Индии – в Непале при существенно более слабых позициях России и Китая в соответствующих случаях.

Выявленные в исследовании закономерности призваны подкрепить существующие теоретические построения реальными примерами из практики стран Востока, равно как и дать импульс изучению более частных аспектов, которые невозможно отразить в универсальной теории. Всё это, вне всяких сомнений, повысит объяснительный и прогностический потенциал изучения политики балансирования. Дальнейшим этапом данного исследования представляется изучение «небуферных» стран, которые могут использовать больше внешнеполитических инструментов для поддержания баланса. Их опыт определённо

[40] Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. / M.F. Elman // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2). – P. 171-217.

обогатит и дополнит выработанные в данном исследовании тезисы.

Дальнейшее изучение проблемы балансирования малых государств, равно как и изучение механизма принятия ими

внешнеполитических решений, представляет большой интерес и для Российской Федерации, у которой есть возможность освоить новые рынки сбыта и объекты приложения инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдоо Б. Монгол улс, Зуун хойт Ази: улс тор-аюулгуй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе / Б. Балдоо. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2018. – 682 с.
2. Баясах Ж. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бурэн стратегийн туншлэлийн зугт. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) / Ж. Баясах. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2015. – 571 с.
3. Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2015. – 400 с.
4. Бэгзжав Л. Современные монголо-китайские отношения на этапе стратегического партнёрства. Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Материалы III Международного научного форума / Л. Бэгзжав. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – 224 с.
5. Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии / В.В. Грайворонский // Восточная аналитика. – 2018. – №3. – С. 51–64.
6. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 296 с.
7. Ледков А.А. История Непала. XX век. / А.А. Ледков, С.И. Лунёв. – М., Институт востоковедения РАН, 2011. – 382 с.
8. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.
9. Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7. – С. 82–89.
10. Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 440 с.

11. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С.К. Рощин. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – 326 с.
12. Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян / И.В. Ставров // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №2 (79). – С. 40–49.
13. Тувшинтогс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр) / А.Тувшинтогс. – Улан-Батор: Национальная академия разведки Монголии, 2012. – 468 с.
14. Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29> (Дата обращения: 25.03.2022)
15. Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political. Science. – 2018. – Vol. 18. – PP. 25–45.
16. Cottam R.W. Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study / R.W.Cottam. – Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1977. – 374 p.
17. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect» / Ksenia Efremova // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – PP. 100–121.
18. Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. / M.F.Elman // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2) – PP. 171–217.
19. Gaida's Dance with Tiger and Dragon / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021. – 239 p.
20. Gokhale V. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. / V. Gokhale // Carnegie India: site. – 04.10.2020. – URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416> (Дата обращения: 25.03.2022).
21. Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / J.A.K. Hey. – Lynne Rienner Publications, 2003. – 230 p.
22. Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / R. O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2). – PP. 291–310.

23. Nepalko parrashtra niti 2077. – Ministry of Foreign Affairs of Nepal: site. – URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/परराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf> (Дата обращения: 25.03.2022)

24. Niskiye Prachand Bharat bhramanma: aakhir ke ke chhan ejenda? / Kusenews: site. – 22 Bhadr 2074. – URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्किए-प्रचण्ड-भारत-भ/> (Дата обращения: 25.03.2022)

25. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51, No. 1. – PP. 144-172.

26. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / R. Schweller // International Security. – 1994. – Vol. 19:1. – PP. 72-107.

27. Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Dibya Upadesh. / L.F. Stiller. – Kathmandu, 1968. – 74 p.

REFERENCES

1. Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti [Foreign Policy of Nepal: Challenges in Its Implementation] / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29>

2. Baldoo B. Mongol uls, Zuun hojt Azi: uls tor-ayulguj bajdal, edijn zasag, soyolyn hamtyn azhillaga. Mongol ulsyn gadaad harilcaa: Tuuh, orchin Ye [The National Security of Mongolia: Economic, Political and Cultural Cooperation in Asia.] / B. Baldoo. – Ulan-Bator: Akademiya Nauk Mongolii, 2018. – 682 p.

3. Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political. Science. – 2018. – Vol. 18. – P. 25-45.

4. Bayasah ZH. Mongol Uls, BNHAU-yn harilcaa: Strategijn tunshlelees izh bureн strategijn tunshlelijn zugt. Mongol uls ba horsh orny gadaad bodlogo (emhetgel) [The Relations Between Mongolia and China: On the Way to Strategic Partnership. Mongolia and the Foreign Policy of Neighboring Countries. Digest of Articles] / ZH. Bayasah. – Ulan-Bator: Akademiya Nauk Mongolii, 2015. – 571 p.

5. Begzhav L. Sovremennye mongolo-kitajskie otnosheniya na etape strategicheskogo partnyorstva. Rossiya, Kitaj i Mongoliya: vmeste navstrechu vyzovam sovremennosti. Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Contemporary Mongolian-Chinese Relations at the Stage of Strategic Partnership. Russia, China and Mongolia Together Facing Modern Challenges. Materials of the 3rd International Scientific Forum] / L. Begzhav – М.: Institut Vostokovedeniya RAN, 2013. – 224 p.

6. Bold R. Nezavisimost' i priznanie. Mongoliya v treugol'nike interesov: SSHA–Rossiya–Kitaj, 1910–1973 [Independence and Recognition. Mongolia in the Triangle of Interests: USA-Russia-China, 1910-1973] / R. Bold. – M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2015. – 400 p.
7. Cottam R.W. Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study / R.W.Cottam. – Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1977. – 374 p.
8. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect» / Ksenia Efremova // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – P. 100-121.
9. Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard / M.F.Elmán // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2). – P. 171–217.
10. Gaida's Dance with Tiger and Dragon / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021. – 239 p.
11. Gokhale Vijay. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. / Vijay Gokhale // Carnegie India: site. – 04.10.2020. – URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416>
12. Grajvoronskij V.V. Kitajskij mega-proekt «Ekonomicheskij poyas SHeikovogo puti»: mesto i rol' Mongolii [Chinese Mega Project One Belt One Road: the Role of Mongolia] / V.V. Grajvoronskij // Vostochnaya analitika. – 2018. – №3. – PP. 51–64.
13. Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior. / J.A.K. Hey. – Lynne Rienner Publications, 2003. – 230 p.
14. Istomin I.A. Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike [The Logic of States' Behavior in the World Politics] / I. A. Istomin. – Moskva: Aspekt Press, 2018. – 296 p.
15. Keohane Robert O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / Robert O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2). – PP. 291–310.
16. Ledkov A.A., Lunyov S.I. Istoriya Nepala. XX vek. [The History of Nepal. 20th Century] / A.A.Ledkov, S.I.Lunyov. – M., Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – 382 p.

17. Lunev S.I. Regionalizaciya i integraciya: Indiya i YUzhnaya Aziya [Regionalisation and Integration: India and South Asia]/ S.I.Lunev. - M.: YUrajt, 2019. — 304 p.

18. Makarov A.V. Vneshneekonomicheskie otnosheniya Mongolii na sovremennom etape [Foreign Economic Relations of Mongolia at the Current Stage]/ A.V. Makarov, E.V. Makarova, A.B. Andreev. // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. - 2020. - №7. - P. 82-89.

19. Nepalko parrashtra niti 2077 [Foreign policy of Nepal 2020] / Ministry of Foreign Affairs of Nepal: site. - URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/परराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf>

20. Niskiye Prachand Bharat bhramanma: aakhir ke ke chhan ejenda? [Pachand visiting India: what is on the agenda?] / Kusenews: site. - 22 Bhadr 2074. - URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्किए-प्रचण्ड-भारत-भ/>

21. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. - 1998. - Vol. 51, No. 1. - PP. 144-172.

22. Roshchin S. K. Politicheskaya istoriya Mongolii (1921-1940 gg.) [Political History of Mongolia: 1921-1940]/ S. K. Roshchin - M.: Institut Vostokovedeniya RAN, 1999. - 326 p.

23. Rossiya i Mongoliya na puti strategicheskogo partnyorstva [Russia and Mongolia on the Way to the Strategic Parnership] / M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. - 440 p.

24. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / R. Schweller // International Security. - 1994. - Vol. 19:1. - PP. 72-107.

25. Stavrov I.V. Ekonomicheskij koridor Kitaj - Mongoliya - Rossiya v strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya provincii Hejlunczyan [Economic Corridor between China, Mongolia and Russia in the Strategy of the Social and Economic Development of Heilongjiang Province]/ I.V. Stavrov // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. -2017. - №2 (79). - P. 40-49.

26. Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Dibya Upadesh / L.F.Stiller. – Kathmandu, 1968. – 74 p.

27. Tuvshintogs A. Hujten dajny daraah mongolyn ayuulguj bajdlyn gadaad orchin [The International Environment After The Cold War And Its Impact On Mongolian Security] / A.Tuvshintogs. – Ulan-Bator: Nacional'naya akademiya razvedki Mongolii, 2012. – 468 p.